

УДК 130.2

DOI: 10.26795/2307-1281-2017-4-15

КРИТИКА ПРОГРЕССА И ЕГО ЭТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА С ПОЗИЦИЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ «АПОКАЛИПТИКИ КУЛЬТУРЫ» РУБЕЖА XIX-XX ВВ.

А. И. Симонов^{1}*

¹*Управление Министерства культуры Российской Федерации по Приволжскому
федеральному округу, Нижний Новгород, Российская Федерация*

**e-mail: simonoff-alex@rambler.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение: В данной статье рассматриваются подходы к пониманию кризиса культуры в контексте русской философской мысли рубежа XIX-XX вв. Актуальность заявленной темы статьи заключается в смысловом параллелизме духовной ситуации в указанную эпоху и в современной России.

Материалы и методы: Материалом исследования является трехчастная структура, характеризующая кризисное положение культуры: «русская духовная традиция» – критика культурного прогресса во второй половине XIX в. – апокалиптика культуры «серебряного века». В статье используется методология историко-философского анализа, соединенная с практикой феноменологического описания явлений культуры и духовной истории страны. Кроме того, с методологической точки зрения речь в статье идет с позиций выявления философско-культурологического аспекта проблемы, предполагающего изучение таких категорий, как «прогресс» и взаимоотношение категорий «добро» и «зло» в контексте культуры.

Результаты исследования: В процессе раскрытия тематики «апокалипсиса культуры» рассматриваются положительные и отрицательные смысловые коннотации категории «прогресс», что дает понимание духовного состояния культуры и путей поиска для нее новых мировоззренческих и ценностных парадигм. Своего рода итогом статьи становится формулировка понимания отечественной культуры и мысли второй половины XIX в. – начала XX в. как такой, что имеет одной из основных и фундаментальных тем осмысления тему конца мира и истории.

Обсуждение и заключения: В рамках раскрытия заявленной проблематики «апокалипсиса культуры» в рамках отечественной философии рубежа XIX-XX вв. предлагается оптика анализа, согласно которой кризисное состояние культуры исследуется в категориях христианского апокалипсиса. При этом процесс развития русской философии обнаруживает в себе историко-культурные и этические проблемы.

Ключевые слова: культура, апокалипсис, «апокалиптика культуры», кризис, прогресс, «новое средневековье», всеобщее, добро, зло, бытие человека.

**CRITICISM OF PROGRESS AND ITS ETHICAL EVALUATION FROM THE
STANDPOINT OF THE NATIONAL “APOCALYPTIC CULTURE” OF THE TURN OF
THE XIXTH AND XXTH CENTURIES**

A. I. Simonov^{1*}

*¹Department of Ministry of Culture of the Russian Federation in Volga Federal District,
Nizhny Novgorod, Russia*

**e-mail: simonoff-alex@rambler.ru*

ABSTRACT

Introduction: The approaches to understanding the crisis of culture in the context of Russian philosophical thought at the turn of the 19th-20th centuries are considered in this article. The relevance of the topic of the article is in similarity of spiritual situation in that era and in modern Russia.

Materials and methods: The research material is a tripartite structure that characterizes the crisis of culture; “Russian spiritual tradition” – criticism of cultural progress in the second half of the 19th century - the Apocalypctica of culture of the Silver Age.

In the article the methodology of historical and philosophical analysis is used, combined with the practice of a phenomenological description of cultural phenomena and the spiritual history of the country. From the methodological point of view it is a question of revealing of philosophical and culturological aspect of the problem. Such categories as “progress” and relationship between “good” and “evil” in the context of culture are studied there.

Results: In the process of disclosure of these categories, their positive and negative sides are examined which gives an insight into the spiritual state of culture and the ways of finding new worldview and value paradigms for it. The result of the article is the formulation of an understanding of Russian culture and thought in the second half of the XIXth and XXth centuries that it has one of the main and fundamental themes – the theme of the end of the world and history.

Discussion and Conclusions: Within the framework of disclosure of the stated problems it offers the analysis optics according to which the crisis state of culture is investigated in terms of the categories of Christian Apocalypse. At the same time historical, cultural and ethical problems are revealed in the development of Russian philosophy

Keywords: culture, the Apocalypse, “the Apocalypctica of culture”, crisis, progress, “New Middle Ages”, good, evil, being of a man, general.

Введение

Тематика Апокалипсиса, «конца мира» в контексте русской интеллектуальной и культурной традиции во все времена занимала особые позиции. Так, уже на рубеже XV-XVI вв. в известной формуле старца псковского Спасо-Елеазарова монастыря Филофея «Москва – Третий Рим» присутствуют оттенки идеи «конца времен». Далее в XVII в. апокалипсические ожидания, присущие русской духовной традиции, нашли отражение в старообрядчестве с его практиками самосожжения, «ухода в леса» и т.п. В свою очередь на

рубеже XIX-XX вв. тематика Апокалипсиса нашла проявление в критике светской культуры. Такая позиция отечественных мыслителей указанного периода имеет в своей основе реализацию заложенного на мировоззренческом уровне в русском обществе стремления к осознанию своего положения в мире, а в большей степени – смысла и целей своего существования.

Кроме того, особая актуализация апокалипсического мироощущения в XIX – начале XX в. имеет глубокие корни в архетипе русской духовной культуры, ведь не случайно, что одной из отличительных особенностей мировоззренческого и этического аспектов Православия в России многие исследователи называют творческое раскрытие «Откровения» Иоанна Богослова с его духовно-мистической образностью, имеющей символично-аллегорическую природу [16, с. 304]. Так, классики истории русской философии В.В. Зеньковский и Г.В. Флоровский, характеризуя особенности отечественного типа мышления, отмечают господствующее положение в нем историософской тематики, а значит, и концепции «конца мира» [9, с. 22; 28, с. 34].

В контексте русского восприятия христианского учения о «конце времен» сложилась своя национальная позиция. Так, это позволило русскому философу и богослову С.Н. Булгакову говорить о «русском апокалипсисе» как самостоятельном явлении христианского верующего сознания [4, с. 245]. «Русский апокалипсис» здесь имеет две смысловые коннотации: мрачная, предупреждающая нас о приближении «конца времен» как трагедии и о торжестве в мире злого начала; светлая, согласно которой апокалипсис является скорее призывом к ожиданию и чаянию будущего всеобщего воскресения и спасения праведных от вечных мук и смерти.

Понимание апокалипсиса в контексте русской интеллектуальной традиции, как видно из описанного выше, имеет вселенский, всеобщий характер. Наравне с этим, здесь сформировалось и личное понимание апокалипсиса, базирующееся на реализации христианского учения о спасении человеческих душ. Данные воззрения находят непосредственное выражение в качестве возможных основ явлений и артефактов в контексте отечественной культуры. Иными словами, культура здесь являет собой пространство реализации установок мировоззрения, признающего господствующим и абсолютно ценным идею о конце мира и духовного ожидания «новой земли и нового неба». С другой стороны, наличие понимания того, что есть апокалиптика, позволяет видеть ее элементы в окружающих общественно-политических, а главное культурных, взаимоотношениях людей. В связи с этим стоит отметить, что причиной популярности и активного развития на рубеже XIX-XX вв. апокалипсических оценок происходящего явились война и порожденные ею изменения социальных и культурных отношений, а также в неменьшей мере кризис исторической Церкви.

Итак, главное, что русская интеллектуальная культура XIX-XX вв. унаследовала от прошлых веков, – это устремленность к осмыслению «судеб мира», тенденций и траекторий движения историко-культурного процесса, в свою очередь, преломив ее в критическое осмысление светской культуры.

Обзор литературы

В основу нашего подхода к анализу концепции «апокалипсиса культуры» в русской мысли рубежа XIX-XX вв. легло обращение как непосредственно к первоисточникам, так и к широкому спектру аналитической литературы отечественных и зарубежных авторов по искомой теме.

В качестве первоисточников нами взяты следующие работы, ставшие знаковыми для своего времени: «Легенда о Великом Инквизиторе» (в рамках романа «Братья Карамазовы» (1879-1880)) Ф.М. Достоевского, «Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения» (1888) К.Н. Леонтьева и «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории» (1899) В.С. Соловьева.

Отголоски и комментарии на высказанные в этих работах мысли по поводу состояния и тенденций развития культуры занимают определяющее место в контексте русской философии «серебряного века» (В.В. Розанов, Е.Н. Трубецкой, Л.И. Шестов, Г.В. Федотов, С.Л. Франк и др.). Так, например, согласно свидетельствам русского философа и историка Г.П. Федотова, «Три разговора...» Вл. Соловьева многими после их выхода воспринимались как пророчество [18, с. 38]. Кроме того, образы «апокалипсиса культуры» нашли художественное преломление в литературе «серебряного века» (А. Белый, А.А. Блок, Д.С. Мережковский и др.). Иными словами, мы с уверенностью можем сказать, что восприятие «апокалипсиса культуры», присущее отечественной мысли рубежа XIX-XX вв., идейно базируется на подходах к критическому анализу культуры (и находящихся в ее рамках теории прогресса и морально-нравственных установок общества), разработанных во второй половине XIX в. (Ф.М. Достоевский, К.Н. Леонтьев, В.С. Соловьев). Во многом высказанные отмеченными мыслителями ожидания и теоретические программы «кризиса культуры» нашли подтверждение в социально-культурной практике эпохи рубежа веков.

Наше повествование об «апокалипсисе культуры» контекстуально расположено в рамках отечественной традиции мысли. Но при этом нами, безусловно, берется в расчет и учитывается то, что аналогичная проблематика активно развивалась также и за рубежом (О. Шпенглер, П. Сорокин и др.).

Итак, предпринимаемое нами в данной статье поступательное рассмотрение концепта «апокалипсиса культуры» от мысли второй половины XIX века к мысли первой половины XX века помогает прояснить со-включенность, преемственный характер развития интересующего идейного концепта в контексте русской интеллектуальной культуры отмеченного периода.

Материалы и методы

Концептуализация ощущения «конца времен», которое на духовно-мистическом уровне присуще русской культуре, в каждую эпоху ее развития имела свою специфику и своеобразные русла актуализации в виде вербальных и визуальных артефактов и явлений. В свою очередь в начале XX века указанная тематика находит наибольшее отражение в жизни отечественной культуры. Тому причина – переживание нашим обществом кризиса европейских культурных ценностей и социально-политических теорий, что отразилось непосредственно на мироощущении практически каждого думающего человека той эпохи.

Проблематика «апокалипсиса культуры» в отечественной философии начала XX в. имела несколько измерений. Первое из них – это философско-историческое, в котором указанная выше проблематика понималась как очередная стадия развития истории и культуры. Другое измерение – историософское, которое толковало «апокалипсис» как течение исторического времени, обладающего религиозно-мистическими детерминантами. Экзистенциальное измерение подходит к понятию «кризис культуры» с точки зрения «внутреннего человека», его личного опыта пребывания в контексте исторического времени и ситуации «апокалипсиса культуры».

Оговоримся, что мы сознательно не будем заострять внимание на историко-философской и социолого-политологической составляющих искомой проблематики, остановившись только на философско-культурологическом ракурсе анализа концепта «апокалипсиса культуры». В контексте такого подхода нас будут интересовать критические позиции отмеченных выше отечественных мыслителей по отношению: 1) к связи понятий «добро» и «зло» и 2) к вопросу природы прогресса в контексте культуры.

В связи с этим возникает оправданный вопрос: почему анализ именно этической составляющей и критики прогресса характеризует философско-культурологический подход к осмыслению «апокалипсиса культуры»? Концепт апокалипсического восприятия культурной динамики рубежа XIX-XX вв. по глубине рассматриваемой тематики есть явление в первую очередь мировоззренческое. Более того, это время ознаменовано формированием новой культурной парадигмы модернизма, которая, в свою очередь, обусловила постепенную смену мировоззрения и переоценку ценностей. Нарождающееся мировоззрение и вместе с ним система морально-нравственных установок стали, согласно классической теории прогресса, своего рода подведением итогов историко-культурного развития. Отечественные мыслители это заметили и выразили в традиционалистском дискурсе, в центре которого – культура, переживающая свой персональный апокалипсис.

В свою очередь с методологической стороны данная позиция предполагает процедуру поступательного описания явлений, феноменов русской духовной культуры, интересующего нас периода, предполагающего обращение к ее предельным мировоззренческим установкам. Это в свою очередь предрасполагает автора статьи к обращению к широкому спектру историко-культурных методов и практик (в основном сравнительному и структурно-функциональному методам).

Результаты исследования

Обратимся к рассмотрению «апокалиптики культуры» в контексте русской мысли второй половины XIX в. и в контексте мысли начала XX в.

I

1. Первое, что наиболее остро ощущалось (и ощущается до сих пор) при обращении к анализу культуры как осуществляющегося в контексте истории идеала, предпринятому мыслителями второй половины XIX в. (Ф.М. Достоевский, К.Н. Леонтьев, В.С. Соловьев), – это их акцент на понятиях несправедливости и злого начала в мире.

Проблематика социального и личного зла и вследствие этого морально-нравственная составляющая жизни общества тесно связаны со сферой культуры.

Присутствие моральной несправедливости в обществе находит отражение и в архетипах отечественной культуры второй половины XIX века. Итогом указанного присутствия явилось предчувствие надвигающегося «апокалипсиса» разрушения культуры, господства зла.

Этическое измерение концепта «апокалиптики культуры» в контексте отечественной мысли второй половины XIX в. имеет два противоположных смысловых направления, наиболее ярко отразившихся в отношении к христианству русских писателей Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого.

а). Согласно воззрениям Ф.М. Достоевского, классическая теория прогресса как процесса постепенного обретения человечеством своего счастья и благоденствия принципиально не состоятельна по этическим причинам. Тому доказательство приводимые в пример Иваном Карамазовым страдания детей, свидетельствующие о забвении культурой Бога [7, с. 276]. Классическая теория прогресса имплицитно содержит в себе зачатки «этического апокалипсиса».

Достоевский не приемлет стадийного, поступательного развития культуры на путях обретения земного идеала посредством принесения поколениями людей себя в жертву ради «светлого будущего». Данная позиция находит отражение и в образе башни из держащих друг друга человеческих тел, достигающей своей высотой небес, в «Сне смешного человека» [8, с. 531], и в образе Великого Инквизитора, который прогоняет прочь от себя явившегося вновь в мир Христа [7, с. 288]. «Диагноз», поставленный Достоевским современному ему обществу и культуре, – одновременная жажда веры в Бога и отрицание, отсутствие умения общаться с Ним, бунт против Него, рождаемый утратой способности воспринять духовную истину и жить согласно с ее морально-нравственными установлениями.

Вместе с тем такой жесткой позиции по отношению к современности и прогрессу, имеющим в своей основе безрелигиозные начала, Достоевским противопоставляется возможность для индивидуального человека духовного самосовершенствования и обретения посредством этого единения с миром и Богом, в то время как все вокруг оказывается охваченным апокалипсисом и разложением.

б). Применительно к восприятию христианства Л.Н. Толстым дело обстоит несколько иначе. Многими современниками писателя его интерпретация христианского учения воспринималась как провозвестие духа Антихриста [14, с. 246]. Во многом согласно такой позиции строится критика «толстовства» Вл. Соловьевым. Кроме того, данной идеей он руководствуется и при описании признаков «апокалипсиса культуры» в «Трех разговорах...»

Основной рефрен «Трех разговоров...» – это спор с «толстовством» как религиозно-философским и этическим учением, позиционирующим себя (в контексте отечественной духовной культуры рубежа XIX-XX вв.) обладателем истин чистого христианства. «Три разговора...» являют собой описание сложившейся ситуации в культуре и мысли своего времени.

В чем Вл. Соловьев принципиально не соглашается с учением Л.Н. Толстого и как это влияет на понимание «апокалиптики культуры» первым?

Русский философ-экзистенциалист Л. Шестов справедливо замечает в статье «Умозрение и Апокалипсис. (Религиозная философия Вл. Соловьева)» общую основу религиозно-философских исканий Л.Н. Толстого и В.С. Соловьева. Их объединяет стремление создать религиозную философию, некий философский синтез религиозного

опыта, призванный с позиций рационализма оправдать истину веры. Столкнувшись с дилеммой, заключенной в утверждении: «...либо путь пророческого вдохновения, либо путь разумного <...> философского искания» [22], оба мыслителя выбирают последнее. Вместе с тем Соловьев не доводит данный процесс до конца: авторитет Священного Писания для него остается непререкаем, чему свидетельство – его позднее творчество и, в частности, «Три разговора...».

Спор Л.Н. Толстого и В.С. Соловьева разворачивается вокруг темы добра и зла. «Камень преткновения» двух мыслителей – это тезис о непротивлении злу силой. Для Соловьева оказывается неприемлемым утверждение отсутствия в мире деятельного отпора злему началу. Словами «г. Z.» мыслитель характеризует позицию, отстаиваемую «толстовцами», как «антихристианство» [15, с. 162]. Мы в свою очередь назовем это «мягкотелым христианством». Традиционное христианство таковым не является, оно строго и аскетично по своей сути. В этом смысле не случайна цитата из Евангелия, произнесенная «г. Z.» в «Трех разговорах...»: «думаете ли вы, что Я пришел дать мир земле? Нет, говорю вам, но разделение» (Лк., 12:51) [15, с. 164].

Если рассуждать с позиций евангельской «теплохладности», то учение Л.Н. Толстого является подменой религиозной истины. Такая позиция предполагает причастность христианству, которая в свою очередь отличается отсутствием веры в ее сакральном, духовно-мистическом аспекте. Вл. Соловьев заключает: «Антихристианство – религиозное самозванство, когда имя Христово присваивают себе такие силы в человечестве, которые на деле и по существу чужды и прямо враждебны Христу и Духу Его» [15, с. 162]. Итак, следование идее непротивления злу силой, а также восприятие христианства как всецело философского и этического учения рождает образ Антихриста. Приход Антихриста, по мысли Соловьева, связан с расцветом европейской культуры и цивилизации. Его деяния – это верх развития рационально положительного во всех сферах жизни общества. Принципиально важно, что образ Антихриста здесь имеет двоякое изображение. С одной стороны, он объединяет в себе духовную активность человека, выступая в роли мистика. С другой стороны, его действия способствуют развитию социальной и технической сторон жизни общества. Соловьев изображает Антихриста социалистом и хозяйственником, при котором мировое хозяйство достигает небывалых высот [15, с. 204-205]. Однако, как обнаруживается в финале повести об Антихристе, такой культурный расцвет не обладает духовной, христианской основой, вследствие чего в одночасье гибнет.

Итак, упадок общественных устоев и традиционной морали, отмечаемый философией второй половины XIX в., оказывается напрямую связанным с рождением состояния духовного кризиса культуры. Ощущение морально-нравственной незащищенности как индивидуальной, так и общественной, соединенное с идеей всеобщего прогресса и материального роста культуры, рождает апокалипсическое мировоззрение, проникающее во все сферы жизни общества.

2. С другой стороны, наравне с этической составляющей, тема «апокалиптики культуры» выражается в контексте отечественной мысли второй половины XIX в. через критику категории «прогресс». Характерно, что проблематика исторического и культурного развития в рамках разрабатываемых Ф.М. Достоевским, К.Н. Леонтьевым и В.С. Соловьевым философских идей и подходов занимала ключевые позиции. Категория «прогресс», динамика истории, общества и культуры привлекала мыслителей на протяжении всего их творческого

пути. Однако они видят в данном процессе кроме положительных моментов и отрицательные; спустя полтора века они нам говорят, что прогресс не всецело самодостаточное явление. В этом смысле их работы носят характер предупреждения, пророческого слова.

а). *Положительно о прогрессе и развитии как о понятиях, отражающих суть генезиса истории и культуры.*

К.Н. Леонтьев, как и В.С. Соловьев, рассматривает историко-культурный процесс как смену определенных этапов. Но, в свою очередь, смысл и итог данного процесса мыслителями представляется различно.

Так в ранний и зрелый период философского творчества Вл. Соловьевым категория «развитие» оценивалась двояко: как явление биологическое и как явление культурное, общественное. Нас в данном контексте мало интересуют подробности первого подхода. Нам важно только понимать, что развитие человечества, по Соловьеву, имеет аналогичную динамику с такими же процессами в рамках функционирования природных явлений. Итак, развитие истории и культуры – это всеобщий процесс перехода от «зверочеловечества» к «Богочеловечеству» [14, с. 258-259]. Данное утверждение основано на положении философского учения Соловьева, согласно которому человечество интенционально в своей истории направлено на возвращение к Богу. Историческая и культурная динамика обладают смыслами со-природными мессианской идее.

Прогресс культуры Соловьевым тесно связывается с понятиями «всеединство» и «целостность». Указанное в совокупности предполагает, с одной стороны, единство различных течений христианства, с другой же – доминирование полученной целостности в политической сфере. Так, вначале мыслитель создает концепт «теократического государства», который с течением времени перерастает в идею «Вселенской Церкви». Итак, все вышесказанное свидетельствует о том, что Соловьевым в зрелый период творчества итог поступательного развития исторического процесса оценивается как движение, обращенное к обретению общественно-политического и культурного идеала «здесь и сейчас», в рамках имманентного нам мира, а не «нового неба и новой земли».

В свою очередь К.Н. Леонтьев также рисует картину стадийного развития истории и государств, когда отстаивает свою теорию «триединого процесса развития» [11, с. 371]. Однако, в противовес мнению Вл. Соловьева, Леонтьев считает итогом историко-культурной динамики умирание культуры и, как следствие, выход на авансцену истории иного доминирующего типа культурности. Так, характеристике последней стадии исторического развития европейской культуры – «вторичному смесительному упрощению» – присуща тематика «апокалипсиса культуры».

Итак, в рамках общественной и культурной жизни человека присутствует идея прогрессивного развития. Данное утверждение не отрицается в отечественной мысли второй половины XIX в. Для них является очевидным наличие негативных смыслов, стоящих за данным утверждением.

б). *Отрицательно о прогрессе как причине «апокалипсиса культуры».*

Общеизвестно, что теория линейного, стадийного развития историко-культурного процесса предполагает наличие конкретной цели и смысла движения истории. Более того, адекватное времени и духовному состоянию эпохи координирование и расстановка приоритетов данной динамики – это залог жизни культуры. К.Н. Леонтьев и В.С. Соловьев

отмечают это, но, обращая внимание на духовный кризис эпохи, приходят к выводу об ошибочности руководящих идей современной им культуры – идей теории прогресса. Так происходит их обращение к тематике «апокалипсиса культуры», постепенной «смерти культуры» в ее классической форме.

Кроме того, при обращении к критическому анализу категории «прогресс» вышеназванных мыслителей также стоит учесть его тесный контакт с ранее рассмотренным этическим аспектом концепта «апокалиптики культуры».

Так, с точки зрения К.Н. Леонтьева, ключевым недостатком теории прогресса является, как ни странно, процесс «всеобщего уравнивания» как социально-экономического, так и культурно-эстетического. Знаковым является название программной статьи мыслителя, посвященной критическому анализу категории «прогресс» – «Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения». Понятие «усредненности», имеющееся в названии, трактуется Леонтьевым как основа духовного кризиса эпохи, современной мыслителю.

Господство «усредненного» существенно влияет на состояние и уровень культуры. С одной стороны, она теряет аристократизм духа, особую эстетизацию явлений природы, социума и т.д. Здесь Леонтьев предчувствует рождение культуры, прошедшей через «омассовление», и не принимает ее. С другой стороны, это приводит культуру к предельному опрощению и хаотичному слиянию направлений и элементов культуры [12].

В свою очередь Вл. Соловьев в «Трех разговорах...» характеризует прогресс как «симптом конца», «бесцельное и бессмысленное явление», «процесс, имеющий в своем завершении смерть» [15, с. 159]. «Три разговора...» являют собой пространство осмысления категории «прогресс» как причины кризиса культуры. На это указывает выведение мыслителем двух линий ее толкования, которые в результате оказываются предметом критики и преодоления. Первая линия толкования выражается в позиции «Политика», согласно которой прогресс является совершенствованием устоев культуры, вследствие чего происходит улучшение нравов общества, отказ от ведения войн и т.п. [15, с. 156]. Вторая линия, вложенная в уста «Князя», заключена в отстранении от мира социума и культуры, при котором больший акцент делается на беспрецедентном моральном совершенствовании человечества [15, с. 174]. Последняя точка зрения на природу прогресса перекликается с мнением самого Соловьева, выраженным им в «Оправдании добра» (1899). Согласно ему, идея культурного прогресса содержится в устремленности человечества к уразумению и обладанию добром в его полноте и целостности.

Критика Вл. Соловьевым отмеченных выше двух подходов выражается в творческом переосмыслении возможности создания теократического сообщества в рамках нашего мира, тому свидетельство – «повесть об Антихристе». Здесь им отстаивается мысль о неосуществимости Царства Божия, как исторического и культурного идеала «здесь и сейчас», т.к. в этом случае происходит подмена духовных смыслов и понятий и абсолютность добра оказывается прикрытием идеологии антихристианства. Однако это не предполагает отказ от самой идеи стремления к Царству Божьему как к христианскому эсхатологическому идеалу. В этом случае идеал этот являет собой обещание, требующее заботы, усилия человека к достижению «новой земли и нового неба».

Итак, причины кризисного положения культуры, в том числе и духовной стагнации, подмена классического типа культуры нарождающимся новым, модернистским типом, антихристианство и образ Антихриста – все это раскрывает философско-культурологический

подход к анализу концепта «апокалиптика культуры». Ф.М. Достоевский, К.Н. Леонтьев и В.С. Соловьев в емкой форме выражают духовное состояние, образ мыслей и метафизических ожиданий русской интеллигенции второй половины XIX в., наиболее близко стоящей к церковной ограде и в то же время оказывающейся от нее далекой по своему духу.

II

Апокалипсическая тематика в рамках отечественной мысли рубежа XIX-XX вв. имеет широкий охват рассматриваемых проблем. Концепт «апокалипсиса культуры» здесь осмысливается с привлечением одновременно цикла как богословских, так и светских наук: философия, история, литература и др.

Однако, с нашей точки зрения, состояние кризиса в первую очередь переживалось в контексте культуры, где оно являло себя некой духовной потерянностью и усталостью, соединенной с разочарованием в былых мировоззренческих и ценностных основаниях (христианство или рационализм). Это рождало, в свою очередь, пессимистическое восприятие происходящего в истории.

В нашем случае акцент мы сделаем, как уже отмечалось, только на философско-культурологическом аспекте искомой темы. Иными словами, путеводной нитью нашего рассмотрения «апокалиптики культуры» «серебряного века» станет прояснение судеб отмеченных ранее особенностей восприятия кризисности культуры в отечественной традиции мысли второй половины XIX в. (критика теории прогресса и изменения, происходящие на уровне морально-нравственных ценностей культуры).

«Апокалиптика культуры» в контексте философии рубежа XIX-XX вв. не является монолитным явлением с позиций ее философско-культурологического осмысления. С нашей точки зрения, данный концепт обладает следующими смысловыми коннотациями:

1. *Культура – это двухсоставное явление, объединяющее в себе светскую и религиозную смысловые сферы.* Русские мыслители рубежа XIX-XX вв., обращавшиеся к анализу современного положения культуры и человека в ее контексте, склонны дробить понятие «культура» на культуру религиозную и светскую.

Так, сторонником данного положения является один из теоретиков философии всеединства Е.Н. Трубецкой. С его точки зрения, понимание отношений религиозной и светской культур («мистического алогизма» и «культуры, основанной на рационализме») как противоборства не позволяет осознать природу их тесного контакта [17, с. 209]. Мыслитель не склонен к отметанию всяческой логики в мышлении (гносеологии), т.к. обретение всеединого (ключевая идея его философских взглядов) возможно только посредством ее законов и рациональной методологии познания. Способности и практика человеческого мышления не могут являться всецело «греховными», достойными только лишь отсечения в процессе христианского «обожения». Напротив, они, в свою очередь, содержат элементы работы духа человека.

Е.Н. Трубецкой в «Смысле жизни» разрабатывает «срединный путь» в толковании соотношения светских и религиозных начал культуры. Он считает, что до сих пор в рамках христианской мысли отсутствует правильное (в том числе деятельное, преобразующее) отношение к миру. Так, здесь господствует или «максимализм», или «фатализм» [17, с. 264]. С одной стороны, сутью мира объявляется недостижимый христианский идеал «Царства

Божия», с другой – конец мира предстает как нечто внешне довлеющее, ограничивающее мир. «Срединное» же понимание, предлагаемое Трубецким, относится к «апокалиптике» как к естественному завершению мира, в целях достижения которого человек уже в контексте своей жизни (персонально) идет по пути духовного самосовершенствования, поднимается по «лестнице совершенств духовных».

Представление о культуре как единстве религиозного и светского начал позволяет подойти к ней как к многогранному явлению, стремящемуся отразить сложность и неоднозначность природы человека и общества.

2. *«Апокалиптика культуры» – концепт, отражающий духовное состояние общества, пережившего опыт мировой войны.* Стоит отметить, что тема войны и победы/поражения в ней обладает очень богатой традицией пребывания в текстах русских мыслителей «серебряного века», пишущих о «конце европейской культурности». Так, с точки зрения Е.Н. Трубецкого, «конец культуры» имеет тесный контакт с состоянием общества, переживающего войну. Он утверждает, что общество являет собой «звериное царство». В свою очередь культура «оказывается не то обманчивой прикрасой, не то орудием злой, хищной жизни» [17, с. 38].

Обладающее христианскими духовно-мистическими корнями аллегорическое сравнение мира и общественных отношений со «зверем» имеет целью описание смены господствующих ранее как мировоззренческих и этических, так и эстетических установок в обществе. Иначе говоря, склонность мыслителей «серебряного века» вести речь об «апокалипсисе культуры» есть стремление понять происходящее вокруг, уяснить его фундаментальные основы.

События мировой войны сказались, в первую очередь, на фундаментальных основаниях культуры. В связи с этим понятны слова разочарования и пессимизма по отношению к ней С.Л. Франка: «Всеевропейская культура пошатнулась под впечатлением мировой войны и послевоенного духовно-общественного состояния мира» [21, с. 133]. В свою очередь Н.А. Бердяев видит в мировой войне своего рода итог цивилизационного развития человечества, перешагнувшего через духовность культуры навстречу манящему индустриальному, «машинному» раю на земле. «В мировой войне мы видим падение европейской цивилизации, крушение индустриальной системы, изобличение фикций, которыми жил буржуазный мир» [2, с. 172], – пишет Бердяев. С его точки зрения, война показала уязвимость и шаткость многих социально-политических и культурно-эстетических европейских идеалов и ценностей. Так в сознании людей родилось ощущение апокалипсичности эпохи.

Довлеющим мнением в рамках отечественной философии рубежа XIX-XX вв. является отношение к мировой войне как к «печальному итогу» технического прогресса западноевропейской культуры. Д.С. Мережковский выражает общее настроение: «Мы начинаем понимать, что возможная цель бесконечного прогресса – бесконечная война – самоистребление человечества» [13, с. 14]. С его точки зрения, европейская культура обладает двумя сознаниями: «дневным» и «ночным». Так, первое актуализирует положительные начала культуры, второе же – темные, подсознательные желания. Мыслитель замечает: «Мир хочет родить и рождает войну» [13, с. 15]. Роль движущей силы данного процесса играет идеология прогресса.

3. *«Апокалиптика культуры» рубежа XIX-XX вв.* – это критика мировоззренческих установок теории прогресса. В традиции отечественной мысли оценка «теории прогресса» всегда была неоднозначной. Здесь в традиционалистски настроенных философских системах по преимуществу довлело отрицательное восприятие прогресса, согласно которому он есть только лишь усовершенствование внешних сторон жизни человека (приобретение материальных благ), в то время как морально-нравственная составляющая жизни общества при этом не обладает соответствующим высоким уровнем. В этом плане подход к прогрессу в русской мысли на рубеже XIX-XX вв. не является исключением, однако обладает своей спецификой.

Развитие мировой истории и культуры мыслителями «серебряного века» характеризуется как трагедия, что выражается в следующих концептах: «культура есть великая неудача» (Н.А. Бердяев [3, с. 34]); «внутренний итог истории есть трагедия, окончательное обособление духовного добра и зла» (С.Н. Булгаков [5, с. 416]); «крушение кумира культуры» (С.Л. Франк [21, с. 133]); «путь цивилизации – это путь катастроф, вечных апокалипсисов» (Д.С. Мережковский [13, с. 15-16]) и др. Практически все вышеуказанные характеристики культуры и развития исторического процесса имеют в своей основе негативное переосмысление категории «прогресс».

С одной стороны, в основе «апокалипсиса культуры» лежит мысль о персонифицированной борьбе доброго и злого начал (Христос vs Антихрист, соответственно) в контексте общественных отношений и культурных связей человечества. Однако, как отмечает С.Н. Булгаков, принципиальная проблема данной борьбы, придающая истории и культуре оттенок трагичности, заключается в том, что она имеет начало в контексте нашего мира, однако может быть разрешена только лишь после его «кончины». В контексте имманентной нам культуры мы имеем возможность только лишь отследить проявления отмеченной морально-нравственной борьбы, выражающейся в смене мировоззренческих и культурных парадигм общества. В этом, с точки зрения мыслителей «серебряного века», недостаток светского прогресса, «обезбоженного» понимания исторической и культурной действительности, упускающего из вида целеполагание, смысл развития.

Параллельно с этическим пониманием основ «апокалипсиса культуры» в контексте философии «серебряного века» существует их антропологическая оценка. Такую позицию занимает философ-экзистенциалист Н.А. Бердяев.

Анализ Бердяевым культуры имплицитно содержит в себе антропологическую тематику. Так, культура и личность человека являют собой два со-включенных друг в друга явления. Человек – это творец культурных явлений и артефактов.

Вместе с тем, как замечает Н.А. Бердяев, современная ситуация в культуре свидетельствует о нарушении отмеченного выше постулата. Категория «человек» теряет центральное положение не только в контексте общественно-политических отношений, но и в рамках реализации творческих потенций, в искусстве, где пропадает идея его единства, а превалировать над ним начинает часть (модернистские течения в литературе, изобразительном искусстве и др.). В этом скрыт «апокалипсис» как культуры, так и искусства рубежа XIX – первой четверти XX вв., с точки зрения мыслителя. Бердяев свидетельствует о происходящем в культуре своего времени так: «Произошла какая-то непоправимая катастрофа в судьбе человека, катастрофа надрыва его человеческого

самочувствия, неизбежная катастрофа ухода от природной жизни, отрывания и отчуждения от природной жизни» [2, с. 130]. Таким образом, «апокалиптика культуры» имеет, кроме прочего, и характер антропологического кризиса, выражающегося в экзистенциальном переживании человеком своего бытия в контексте потери смысла, необходимости личностного прорыва/обретения истины.

Бердяев видит причину такого положения человека. Она заключена в отказе господствующей культуры от ренессансного идеала и мировоззренческих установок Нового времени. Такая ментальная, духовная потеря приводит, с одной стороны, к утрате идеи человека созидającego (творящего) как восприемника, со-работника творческих интенций Бога. С другой стороны, человек становится индивидуалистом. Н.А. Бердяев выносит приговор человеку-индивидуалисту: «Когда человеческая личность ничего не хочет знать, кроме себя, она распыляется, допуская вторжение низших природных стихий» [2, с. 119]. Итогом практического осуществления отмеченных двух пунктов становится рождение антигуманизма в Европе и ощущения человеком трагичности своего бытия и апокалипсичности эпохи.

Вышеописанные взаимоотношения человека и культуры облекаются в категории прогресса. Так, с точки зрения Бердяева, созерцаемые им процессы, происходящие в контексте культуры, являются свидетельством ее перехода на стадию цивилизации. Стоит отметить, что в ее оценках отечественная философия рубежа XIX-XX вв. выступает прямой наследницей идей Н.Я. Данилевского, К.Н. Леонтьева и др. Иными словами, цивилизация здесь предстает этапом «умирания культуры». В свою очередь по отношению к человеку она выступает как нечто, что его обезличивает. Взаимоотношение культуры и цивилизации при этом строится через призму различий восприятия духа. Если первая оценивается как его носительница, то вторая как противница, заменяющая его идеей утилитарной полезности и прагматичности.

Тематика цивилизации как «смерти культуры», с присущей ей «нотой трагичности» в оценках прогресса, присутствует в работах отечественных мыслителей как до мировой войны и русской революции 1917 года, где она являет себя как предчувствие и попытку осмыслить складывающееся положение вещей в политико-экономической и культурной сферах жизни русского и, в целом, европейского общества, так и после, когда опыт «культурного апокалипсиса» был непосредственно уже пережит. Так, С.Л. Франк мысль о том, что классическая теория культурного прогресса изжита европейским обществом, облекает в форму скептического отношения сообщества русских эмигрантов к ранее казавшимся идеалом достижениям общественно-политического и культурного развития Европы.

Мыслитель заключает: «Мы потеряли веру в прогресс и считаем его понятием ложным, туманным и произвольным» [21, с. 141]. С его точки зрения, во-первых, историческое и культурное развитие человечества движется по принципу «скачок-падение», а не по принципу линейного накопления духовных богатств, и, во-вторых, не существует понятия «единая культура». Такая позиция по отношению к культуре предполагает активность со стороны человека: потеряв довлеющие над ним извне культурные и моральные принципы и требования, он оказывается призванным обрести их самостоятельно, и такая внутренняя духовная работа предстает соучастием в созидании новой культуры, имеющей своим багажом опыт переживания трагичности бытия. Характерно, что С.Л. Франк

не одинок в своей позиции по отношению к роли культуры в обществе. Высказанное им мироощущение перекликается с европейским экзистенциализмом как учением о человеке и его месте в мире, которое в свою очередь, безусловно, имеет тесный контакт с культурологической проблематикой.

4. *«Апокалиптика культуры» имплицитно содержит в себе ожидание «новой культуры»; этап кризиса здесь предстает знаменем.* Стоит отметить, что оценка состояния кризиса культуры философской мыслью «серебряного века» не однозначно негативная. По своей природе культура не является всецелым злом, хотя его начатки в ней присутствуют; она скорее двухосновное явление [17, с. 263]. Такое практически коллегиально поддерживаемое мыслителями «серебряного века» (Е.Н. Трубецкой, Н.А. Бердяев, И.А. Ильин, Д.С. Мережковский и др.) утверждение основывается на том, что культура – это та сфера человеческой творческой, как духовной, так и материальной, деятельности, в которой одновременно пребывают христианские идеалы, «богочеловеческие» по своей природе, и мирские образы, активно зовущие, наоборот, к «человекобожию». Здесь нужно отметить, что кризисное состояние переживает последняя составляющая культуры, тогда как религиозная получает импульсы к развитию.

Несмотря на критический и пессимистический посыл по отношению к развитию культуры, русская философия рубежа XIX-XX вв. склонна видеть в «апокалипсисе культуры» и положительные моменты. Характерно, что «умирание» культуры в контексте отечественных реалий рождает надежду на появление новой – духовно ориентированной государственности, церковности и культуры. Е.Н. Трубецкой замечает, что после революции 1917 года и постепенной деградации культуры произошло объединение мыслящих и творчески настроенных людей вокруг Церкви [17, с. 255]. Н.А. Бердяев и И.А. Ильин проповедуют будущее духовное возрождение/«преображение» русской культуры, которое, с их точки зрения, зависит от религиозного импульса народа и его желания обратиться к своим истокам. В свою очередь Д.С. Мережковский считает кризисное положение современной ему эпохи только лишь этапом на пути духовного единения с Богом. Для него, как и для большинства отечественных мыслителей рубежа XIX-XX вв., «апокалиптика культуры» – это предзнаменование скорого Второго Пришествия Христа.

Итак, отмеченные четыре аспекта концепта «апокалиптика культуры», конечно же, не исчерпывают тематику кризиса культуры в контексте философской мысли «серебряного века». Промежуточным итогом нашего дискурса в данную проблематику может послужить мысль, согласно которой русская культура в своих недрах смысла выносила и явила миру образ «конца истории», духовной трагедии, которая соединила в себе не только метафизические чаяния и ожидания «кончины мира», но и осмысление непосредственно совершившегося крушения государственности в России в первой четверти XX века.

Обсуждение и заключения

Итак, с точки зрения отечественной мысли второй половины XIX в. – начала XX в. сфера современной культуры и истории – это пространство актуализации антихристианских начал, осознание чего является задачей активной человеческой личности. В этом, с нашей точки зрения, основное завещание русской мысли рубежа веков, адресованное потомкам.

Однако наравне с отмеченным крайне традиционалистским отношением к светской культуре в отечественной и зарубежной мысли конца XIX и начала XX веков получает развитие позиция одновременного анализа как ее негативных характеристик, так и положительных. Это рождает понятие «новое средневековье». Мыслители, являющиеся его сторонниками (Н.А. Бердяев, П.А. Сорокин и ряд других), базируются на положении о стадильности хода исторического процесса, который представляет собой чередование относительно длительных периодов устойчивого развития с неизменными социально-политическими и культурными доминантами («эпохи средневековья») и кратких периодов «возрождения», в которых происходит смена парадигм цивилизации. В такой системе координат прогресс становится синтетическим понятием, соединяющим в себе его негативные и положительные оценки.

Завершая речь о концепте «апокалиптика культуры» в рамках русской интеллектуальной традиции XIX-XX вв., необходимо указать еще и на следующее. В рамках мировой мысли русский опыт «апокалипсиса культуры» оказался не так востребован. «Русский Апокалипсис», русская революция не нашла такого широкого аналитического отклика в Европе, как, к примеру, французская XVIII в. На то, конечно же, были свои причины в основном мировоззренческого характера. Вместе с тем не стоит забывать, что в контексте зарубежной интеллектуальной традиции также сложилась критическая позиция по отношению к динамике и «плодам» светской культуры (О. Шпенглер, А. Тойнби и многие другие). Интересно, что отмеченные отечественная и зарубежная точки зрения имеют единые истоки в христианском учении, порождают одинаковое восприятие мира и происходящих социально-политических и культурных процессов.

Однако, несмотря на это, русская духовная и материальная культура, в основах своих обладающая апокалипсической направленностью, на рубеже XIX-XX в. (и, более того, на протяжении всего XX в.) смогла аккумулировать и выразить не только в рамках интеллектуального творчества, но и в политических и социальных практиках общеевропейское понимание «апокалиптичности» христианства как такового. Политические и историко-культурные события прошедшего столетия позволили американскому теологу Т. Альтицеру говорить о существовании наравне с образами «Христа во славе», «Христа Пантократора» и образа «Апокалиптического» Христа [1]. Указанный образ Христа реализован, безусловно, в рамках русской культуры и истории. И именно такой образ Христа, находящегося в окружении зла и страдания, видящего бедность и немощь человеческого духа, а также несправедливость законов существования мира, имели перед собой отечественные мыслители, писатели и поэты «серебряного века».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Альтицер Т. Россия и апокалипсис. URL: <http://www.altizer.narod.ru/rustexts/rusapocalypse.html> (дата обращения: 19.09.2017).
2. Бердяев Н.А. Смысл истории. М.: Мысль, 1990. 176 с.
3. Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1989. 608 с.
4. Булгаков С.Н. Православие: Очерки учения Православной Церкви. Минск: Издательство Беларускаго Экзархата, 2011. 560 с.
5. Булгаков С.Н. Сочинения в двух томах. Т. 2: Избранные статьи. М.: Наука, 1993. 752 с.

6. Гумерова Г.А. Проблемы культуры в философии русских религиозных мыслителей XX века: монография. Нижневартонск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2014. 134 с.
7. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. М.: Азбука-Классика, 2015. 896 с.
8. Достоевский Ф.М. Село Степанчиково и его обитатели. М.: Советская Россия, 1986. 560 с.
9. Зеньковский В.В. История русской философии. М.: Академический проект, Раритет, 2001. 880 с. (Summa).
10. Ковалева М. Кризис культуры в русской философии конца 19 – начала 20 веков. LAP Lambert Academic Publishing. 2014. 76 с.
11. Леонтьев К.Н. Византизм и славянство. М.: АСТ Москва, 2006. 576 с.
12. Леонтьев К.Н. Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения. URL: <http://knleontiev.narod.ru/texts/evropeetz.html>. (дата обращения: 18.09.2017).
13. Мережковский Д.С. Атлантида – Европа: Тайна Запада. М.: Русская книга, 1992. 416 с.
14. Сидорина Т.Ю. Философия кризиса. М.: Флинта: Наука, 2003. 456 с.
15. Соловьев В.С. Собрание сочинений. Т. 10. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», 1914. 529 с.
16. Трубецкой Е.Н. Миросозерцание Вл.С. Соловьева. Т.2. М.: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1913. 416 с.
17. Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. М.: Книжный Клуб Книговек, 2015. 544 с.
18. Федотов Г.П. Об антихристовом добре // Наука и религия. 1992. №3. С. 38-42.
19. Флиер А. Я. Очерки теории исторической динамики культуры: монография. Электронное издание. М.: ООО «Издательство «Согласие», 2015. 528 с.
20. Франк С.Л. О «Трех разговорах» В. Соловьева // Наука и религия. 1992. №3. С. 42.
21. Франк С.Л. Сочинения. М.: Издательство «Правда», 1990. 608 с.
22. Шестов Л.И. Умозрение и Апокалипсис (Религиозная философия Вл. Соловьева). URL: <http://www.vehi.net/shestov/soloviev.html> (дата обращения: 14.09.2017).
23. Bagby L. First Words: On Dostoevsky's Introductions. Academic Studies Press, 2015. 222 p.
24. Benyamin I. A Critical Theology of Genesis: The Non-Absolute God. Palgrave Macmillan, 2016. 159 p.
25. Blank K. Spaces of Creativity: Essays on Russian Literature and the Arts. Academic Studies Press, 2016. 160 p.
26. DeBlasio Alyssa. The End of Russian Philosophy: Tradition and Transition at the Turn of the 21st Century. Palgrave Macmillan, 2014. 232 p.
27. Encyclopedia of Contemporary Russian Culture. Taylor&Francis, 2014. 800 p.
28. Forrester Sibelan E.S., Kelly Martha M.F. Russian Silver Age Poetry: Texts and Contexts. Cultural Syllabus, 2015. 618 p.
29. Hammerschlag S. Broken Tablets: Levinas, Derrida, and the Literary Afterlife of Religion. Columbia University Press, 2016. 272 p.
30. Herlth J., Zender C. Models of personal Conversion in Russian Cultural History of the 19th and 20 th Centuries. Interdisciplinary Studies on Central and Eastern Europe. Peter Lang Bern-Berlin-Frankfurt am Main-New York-Oxford-Wien, 2015. Vol. 12. 210 p.
31. Hughes Richard A. Nikolai Berdyaev's Personalism // International Journal of Orthodox Theology. 2015. No. 6 (3). P. 63-80.

32. Kantor V.K. Berdyaev on Dostoevsky: Theodicy and Freedom // Russian Studies in Philosophy. 2015. Vol. 53. No. 4. P. 1-14.
33. Kunichika M. "Our Native Antiquity": Archaeology and Aesthetics in the Culture of Russian Modernism. Academic Studies Press, 2015. 348 p.
34. Laruelle F. Christo-Fiction: The Ruins of Athens and Jerusalem. Columbia University Press, 2016. 296 p.
35. Marion J.-L. Negative Certainties (Religion and Postmodernism). University Of Chicago Press, 2015. 288 p.
36. McKinlay B. Revelation in Nicolas Berdyaev's Religious Philosophy // Open Theology. 2017. No. 3. P. 117-133.
37. Milbank J., Žižek S. The Monstrosity of Christ: Paradox or Dialectic? MIT Press, 2009. 312 p.

REFERENCE

1. Al'ticer T. *Rossija i apokalipsis* [Russia and the Apocalypse]. Available at: <http://www.altizer.narod.ru/rustexts/rusapocalypse.html> (accessed 19.09.2017) (in Russian).
2. Berdjaev N.A. The meaning of history. Moscow, Mysl' Publ., 1990. 176 p. (In Russian)
3. Berdjaev N.A. Philosophy of freedom. Sense of creativity. Moscow, Pravda Publ., 1989. 608 p. (In Russian)
4. Bulgakov S.N. Orthodoxy: Essays on the Doctrine of the Orthodox Church. Minsk, Izdatel'stvo Belarusskogo Jekzarhata, 2011. 560 p. (In Russian)
5. Bulgakov S.N. Works in two volumes. Volume 2: Selected articles. Moscow, Nauka Publ., 1993. 752 p. (In Russian)
6. Gumerova G.A. Problems of culture in the philosophy of Russian religious thinkers of the XX century. Nizhnevartovsk, Izdatel'stvo Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta, 2014. 134 p. (In Russian)
7. Dostoevskij F.M. The Brothers Karamazov. Moscow, Azbuka-Klassika Publ., 2015. 896 p. (In Russian)
8. Dostoevskij F.M. The village of Stepanchikovo and its inhabitants. Moscow, Sovetskaja Rossija Publ., 1986. 560 p. (In Russian)
9. Zen'kovskij V.V. History of Russian philosophy. Moscow, Akademicheskij proekt, Raritet, 2001. 801 p. (In Russian)
10. Kovaleva M. The crisis of culture in Russian philosophy of the late 19th - early 20th centuries. LAP Lambert Academic Publishing, 2014. 76 p. (In Russian)
11. Leont'ev K.N. Byzantinism and Slavdom. Moscow, AST Moscow Publ., 2006. 576 p. (In Russian)
12. Leont'ev K.N. *Srednij evropeec kak ideal i orudie vseirnogo razrushenija* [The average European as an ideal and an instrument of world destruction]. Available at: <http://knleontiev.narod.ru/texts/evropeetz.htm> (accessed 18.09.2017) (in Russian).
13. Merezhkovskij D.S. Atlantis - Europe: The Mystery of the West. Moscow, Russkaja kniga Publ., 1992. 416 p. (In Russian)
14. Sidorina T.Ju. Philosophy of crisis. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2003. 456 p. (In Russian)
15. Solov'ev V.S. Collected works. Volume 10. St. Petersburg, Knigoizdatel'skoe Tovarishhestvo «Prosveshhenie» Publ., 1914. 529 p. (In Russian)

Philosophical Anthropology, Philosophy of Culture

16. Trubeckoj E.N. Worldview Vl.S. Soloviev. Volume 2. Moscow, Tovarishhestvo tipografii A.I. Mamontova Publ., 1913. 416 p. (In Russian)
17. Trubeckoj E.N. Meaning of life. Moscow, Knizhnyj Klub Knigovek Publ., 2015. 544 p. (In Russian)
18. Fedotov G.P. On the Antichrist Good. *Nauka i religija*, 1992, no. 3, pp. 38-42 (in Russian).
19. Flier A.Ja. Essays on the theory of historical dynamics of culture. Moscow, OOO «Izdatel'stvo «Soglasie», 2015. 528 p. (In Russian)
20. Frank S.L. About "Three conversations" by V. Solovyov. *Nauka i religija*, 1992, no. 3, p. 42 (in Russian).
21. Frank S.L. Compositions. Moscow, «Pravda» Publ., 1990. 608 p. (In Russian)
22. Shestov L.I. *Umozrenie i Apokalipsis. Religioznaja filosofija Vl. Solov'eva* [Speculation and the Apocalypse. Religious philosophy of Vl. Solovyov]. Available at: <http://www.vehi.net/shestov/soloviev.html> (accessed: 14.09.2017) (in Russian).
23. Bagby L. First Words: On Dostoevsky's Introductions. Academic Studies Press, 2015. 222 p.
24. Benyamin I. A Critical Theology of Genesis: The Non-Absolute God. Palgrave Macmillan, 2016. 159 p.
25. Blank K. Spaces of Creativity: Essays on Russian Literature and the Arts. Academic Studies Press, 2016. 160 p.
26. DeBlasio Alyssa. The End of Russian Philosophy: Tradition and Transition at the Turn of the 21st Century. Palgrave Macmillan, 2014. 232 p.
27. Encyclopedia of Contemporary Russian Culture. Taylor&Francis, 2014. 800 p.
28. Forrester Sibelan E.S., Kelly Martha M.F. Russian Silver Age Poetry: Texts and Contexts. Cultural Syllabus, 2015. 618 p.
29. Hammerschlag S. Broken Tablets: Levinas, Derrida, and the Literary Afterlife of Religion. Columbia University Press, 2016. 272 p.
30. Herlth J., Zender C. Models of personal Conversion in Russian Cultural History of the 19th and 20 th Centuries. Interdisciplinary Studies on Central and Eastern Europe. Peter Lang Bern-Berlin-Frankfurt am Main-New York-Oxford-Wien, 2015. Vol. 12. 210 p.
31. Hughes Richard A. Nikolai Berdyaev's Personalism // International Journal of Orthodox Theology. 2015. No. 6 (3). P. 63-80.
32. Kantor V.K. Berdyaev on Dostoevsky: Theodicy and Freedom // Russian Studies in Philosophy. 2015. Vol. 53. No. 4. P. 1-14.
33. Kunichika M. "Our Native Antiquity": Archaeology and Aesthetics in the Culture of Russian Modernism. Academic Studies Press, 2015. 348 p.
34. Laruelle F. Christo-Fiction: The Ruins of Athens and Jerusalem. Columbia University Press, 2016. 296 p.
35. Marion J.-L. Negative Certainties (Religion and Postmodernism). University Of Chicago Press, 2015. 288 p.
36. McKinlay B. Revelation in Nicolas Berdyaev's Religious Philosophy // Open Theology. 2017. No. 3. P. 117-133.
37. Milbank J., Žižek S. The Monstrosity of Christ: Paradox or Dialectic? MIT Press, 2009. 312 p.

Информация об авторе

Симонов Александр Игоревич – старший государственный инспектор, кандидат философских наук, Управление Министерства культуры Российской Федерации по Приволжскому федеральному округу, Нижний Новгород, Российская Федерация, e-mail: simonoff-alex@rambler.ru.

Information about the author

Simonov Alexander Igorevich – Candidate of Philosophy, Department of Ministry of Culture of the Russian Federation in Volga Federal District, Nizhny Novgorod, Russian Federation, e-mail: simonoff-alex@rambler.ru.